

Л.А. Чибиров

О ЦИКЛАХ НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Л.А. Чибиров*

Аннотация. Статья посвящена принципам циклизации нартвовских сказаний. На примере образа Сырдона и его аналогов в национальных версиях показано несовершенство принципов циклизации, отсутствие единых правил и подходов. Думается, что подход к циклизации эпоса должен быть единый и комплексный, с учетом таких компонентов, как: объем сказаний, сюжетная канва, мотивы, популярность героя.

Ключевые слова: Нартовский эпос, классификация, циклизация, большие и малые циклы, комплексный подход.

Одним из недостаточно разработанных вопросов научного нартвоведения являются принципы циклизации эпоса. Каково положение по отдельным национальным версиям?

Как считает А.Т. Шортанов, адыгский эпос многоциклический и состоит из основных циклов и так называемых «эпизодических» лиц. В числе основных принято считать: Сосруко, Бадыноко, Батраз, Ашамаз, Шайе и Насран-Жак. Эпизодические же лица (т. е. малые циклы): Имыс, Сосым, Арыкшау, Моргуз, Худим, Пануко [1, 204–213].

Абхазские нартвовские сказания также делятся на большие и малые циклы. В перечень больших Ш.Д. Инал-ипа включает: Сасрыквы, Хважарпыс, Нарджхъау, Сит и его сын Уахсит, Цвиц, Шаруан, Кольит и язвительный Гутсакъя. При этом абхазские, как и адыгские циклы, вполне законченные, связаны друг с другом. И что еще общее у них: циклы главных героев (Сосруко, Сасрыквы) являются главнейшими и наиболее законченными; жизнь и деятельность их героев объединяются в единое целое.

Ингушский нартвовед И.А. Дагильтов считает, что нартским сказаниям ингушей свойственна циклизация, и перечисляет персонажи, входящие в большой (Сеска-Солсы, Села Саты и Мяха Азы, Хамчи Патараза, Наьсара, Боткий Ширткъя) и малый (Бятар, Кинда, Шои, Оршамири его сын Арши и др.) циклы [2, с. 393–394].

И в карачаево-балкарском эпосе тексты сгруппированы по циклам вокруг основных героев нартвовского эпоса. При этом к числу основных отнесены циклы с героями Сатаней и Ерюзмек, Сосрук, Деуте и Алаутане, Бедене и Рачикау, Карашауае, а второстепенных – Шырдан, Негер и др. [3, с. 290–291].

В отношении осетинских нартвовских сказаний В.И. Абаевым обосновано деление эпоса на большие и малые циклы. К четырем большим циклам отнесены: Уархаг и его сыновья, Урузмаг

и Сатана, Сослан, Хамыц и его сын Батрадз, а к малым: Сырдон, Ацамаз, Тотрадз, Айсана, Крым-Султан, Сауай, Сыбалц, Маргуз [4, с. 22 и сл.].

О чем же свидетельствует вышеизложенное?

Авторы, подвергая национальные версии эпоса циклизации, не дают научного обоснования: из каких теоретических обоснований, правил они исходят, не объясняют, что заложено в основании деления их на большие и малые циклы. Лишь А.З. Халаев подчеркивает: каждый цикл должен состоять из нескольких сюжетов, связанных между собой мотивом, действием героев, но и он не раскрывает скобки.

Исключением среди авторов является В.И. Абаев, который дал научное обоснование того, каким образом из разрозненных сказаний формируются циклы. Ученый рассматривает вопрос о стадийном развитии эпоса по фазам. «Вначале, – пишет он, – мы имеем разрозненные, ничем между собой не связанные сказания, возникающие в разных центрах, в разное время, по разным поводам. Это первая фаза становления эпоса. Об эпосе пока собственно и нет речи. Но для него подготовлен материал, который при благоприятных условиях начинает приобретать черты эпоса. Из массы героев и сюжетов выделяется несколько излюбленных имен, несколько излюбленных событий и мотивов, и сказания начинают кристаллизоваться вокруг них, как центров притяжения. Образуется несколько эпических узлов или циклов. Эпос переходит в стадию циклизации» [5, 151]. По мысли Василия Ивановича, эпос в том виде, в котором он сохранился, находится на пути гиперциклизации, когда отдельные циклы начинают сливаться в непротиворечивом повествовании эпического характера, а герои оказываются связанными между собой генеалогически. На основе этой научной тезы он классифицирует сказания на центральные и малые. Кроме того, Абаев, как, впрочем, и Халаев, подчеркнуто отмечает, что в основе циклизации

* Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., профессор, г. н. с. комплексного научно-исследовательского отдела при Президиуме ВНЦ РАН (L.chidirov@mail.ru).

берется объем, т. е. количество сказаний; другие авторы ограничиваются лишь простым перечнем циклов, больших и малых.

Общий недостаток существующей циклизации – разноречивой, нет четкого представления предлагаемой классификации, не подчеркивается принцип деления сказаний на большие и малые, центральные и второстепенные. Идентичные герои в разных эпосах оказываются в разных циклах (больших, малых). К примеру, образ Ацамаза в осетинских сказаниях существует в малом цикле, а в адыгском – в большом, хотя в последнем он не более яркий и не превосходит объемом.

В большом цикле осетинских нартовских сказаний все его составляющие относительно равнозначны и несут функции, начиная от истоков сказаний до концовки эпического произведения. Что же касается основных циклов адыгского и абхазского эпосов, то как по объему, так и по содержанию персонажи Сосруко и Сасрыквы (на которых построена все сюжетная конструкция сказаний) ни в какое сравнение не идут с остальными героями, отнесенными также к основному циклу. Несовершенство принципов циклизации эпоса, отсутствие единых подходов и требований легко проследить на примере образа Сырдона в осетинской Нартиаде.

Помимо осетинских нартовских сказаний, прототипы Сырдона представлены в вайнахском, адыгском, абхазском, балкарском версиях эпоса.

Карачаевцы вообще не знали имени Сырдона. У балкарцев имеется аналогичный персонаж по имени Шырдан, являющийся копией осетинского Сырдона. К тому же, как подметил Ж. Дюмезиль, Шырдан, в отличие от Сырдона, – без индивидуальных черт [6, с. 116].

В адыгских версиях эпоса образ Сырдона вовсе отсутствует (у черкесов) или его функции перешли к Сосруко.

В чеченском эпосе прототип Сырдона Ботоко-Шертуко входит в основной цикл. Отличается Шертуко от Сырдона двумя важными чертами: его сверхъестественные свойства выражены более рельефно и его контакты с потусторонним миром более регулярны. И второе – почти полностью отсутствует все, что есть в Сырдоне злобного и смешного; в чеченских нартах он превращается в советчика. Сходство же их в том, что сыновья обоих оказываются сваренными в кипящем котле; у их лошадей нарты режут губы; оба они мстят нартам, а затем выручают их из беды [6, 117].

В основной цикл включен и ингушский прототип Сырдона – Боткый Ширткья. Из деяний последнего известны: научил людей приносить жертвоприношения на похоронах, пополнил сельскохозяйственные познания людей. Как

установлено А. Мальсаговым, Боткый Ширткья – положительный и справедливый герой, обладает способностью отправляться на тот свет и возвращаться в этот солнечный мир [7, с. 276].

Абхазским нартовским сказаниям неизвестен Сырдон. Есть в них лишь колкий и язвительный Гутсакья. Хотя он далеко не Сырдон, тем не менее в абхазской циклизации эпоса он в основной группе. Производными от осетинского Сырдона исследователи считают ингушского Ширткья и чеченского Шертуко. Да и сюжеты, в которых рассказывается о них, в осетинском эпосе связаны с Сырдоном.

Таким образом, получается парадоксальная ситуация: хотя в чечено-ингушской и абхазской национальных версиях Нартиады образ Сырдона представлен весьма бледно, он включен в большие циклы нартовских сказаний, а в осетинских сказаниях, где образ Сырдона представлен во всем блеске, он оказался в ряду второстепенных героев. Такая постановка вопроса противоречит логике и, на наш взгляд, нуждается в пересмотре.

Общий суммарный взгляд на образ Сырдона, его потенциальное место и значение в осетинских нартовских сказаниях определяет его место в промежутке между большим и малыми циклами. При этом образ его больше приближается к центральному циклам, нежели к малым. К такому мнению нас привели следующие аргументы.

Образ Сырдона обладает такими неоспоримыми особенностями и преимуществами, которые сами по себе ставят его в ряд с другими выдающимися героями осетинской Нартиады. И по удельному весу, и в художественном осмыслении сказаний, и по другим критериям, делаемым сказания выдающимся эпическим творением, доля Сырдона не менее значима, чем других героев первой четверки.

Роль Сырдона в осетинских нартовских сказаниях – одна из самых ключевых. Это мнение разделяет и Ж. Дюмезиль, который писал: «В нартовских сказаниях вырисовывается оригинальный образ персонажа, участвующего в жизни героев, – персонажа, без которого бы их жизнь совершенно изменилась и, возможно, была бы вообще немыслима» [6, с. 119]. Он присутствует во всех циклах эпоса, сохраняя свою неповторимую привлекательность.

На наш взгляд, отнесение Сырдона к малому циклу противоречит суждениям В.И. Абаева о циклизации эпоса. Сырдон генетически связан с персонажами большого цикла, а сказания о нем несколько не противоречат основной канве повествования, сливаются с ним.

Основанием для отнесения персонажей Нартиады к малому циклу В.И. Абаеву послужил тот факт, что герой сказаний популярен, но выступа-

ет лишь в небольшом количестве сказаний [4, с. 69]. Иначе говоря, образ важный по значению, но объем сказаний не позволяет отнести его к центральному циклу. Если это единственный повод отнесения Сырдона к малому циклу, то он легко устраним, ибо количественно сказаний о Сырдоне гораздо больше, чем, скажем, о некоторых персонажах большого, центрального цикла.

В 2015 г., с выходом 7-го тома, свершилось полное академическое издание осетинских нартвовских сказаний. В них, во-первых, помимо циклов об Урузмаге и Сатане, Сослане и Батрадзе, отдельного тома удостоились лишь Сырдон (304 с.) и Ацамаз (145 с.), что само по себе примечательно и говорит о многом. Во-вторых, сказания об Уархаге и его сыновьях, размещенные в 1, 5 и 7-м томах указанного издания, составляют порядка 35 (с вариантами) и занимают до 150 страниц книжного текста. Что касается Сырдона, то количественно сказаний о Сырдоне чуть меньше (27), однако 10 из них имеют более 150 вариантов (свидетельство их популярности). В итоге общий объем сказаний о Сырдоне составляет более 450 страниц, т. е. в три раза больше, чем о Уархаге и его сыновьях, т. е. персонажах начального большого цикла осетинского эпоса. Об удельном весе сказаний о Сырдоне свидетельствует и следующее: в 1963 г. вышли отдельной книгой сказания о Сырдоне («Сырдоны таурæгътæ»), в которой на 142 страницах книги помещены 34 (!) сказания о хитроумном нарте. Думается, таким количеством сказаний могут похвастаться лишь такие выдающиеся герои Нартиады, как Сосруко, Сасрыквы, Урузмаг, Батрадз и Сослан, места которых – в больших циклах. А вот и пример другого рода. Ингушский аналог Сырдона Боткый Ширткья представлен в большом цикле, хотя в полном издании эпоса ему посвящены семь небольших сказаний общим объемом всего 8 страниц книжного текста [2]. Что касается отдаленного аналога Сырдона, абхазского Гутсакья, персонажа большого цикла, то о нем нет даже отдельного сказания [8].

Как отмечает В.И. Абаев, по популярности Сырдон не уступает знаменитейшим нартам Урузмагу, Сатане, Сослану и Батрадзу. Если и объем сказаний позволяет и образ не менее популярный, почему его циклу не занимать подобающее место рядом с большой четверкой? Да, понятно, основные герои состоят в родственных между собой отношениях, образуя четыре последовательных поколения, они объединены в три фамилии. Однако и Сырдон для них не чужеродный, по матери восходит к Ахсартагата. Сырдон не эпизодический герой сказаний, а цельная эпическая фигура, которая присутствует во всех сказаниях, наполняя и обогащая их. Естественно, он не богатырь, как Батрадз, но

тоже герой, хотя совершенно другого типа.

Осетинские нартвовские сказания имеют неоспоримое отличительное свойство. По сравнению с такими однообразными сумрачными произведениями, как скандинавские Эдда, Нибелунги, ирландские саги, осетинские сказания благодаря Сырдону – носителю юмора приобретают необыкновенно живой, привлекательный облик. Ему присущи черты трикстера, потому комические свойства в нем сочетаются с демонологией. Он выступает то в роли спасителя нартов, провидца, предостерегающего нартов от дурных поступков, то старается им навредить.

Сырдон неповторим и бесподобен. В мировых эпосах трудно подобрать ему соответствие, хотя подобные образы присутствуют в других эпосах.

Сырдон – культурный герой. С его именем связано изобретение 12-струнной арфы, которая по настоящее время присутствует в оркестрах национальной музыки.

Сырдон относится к числу самых ярких персонажей эпоса, является художественно цельной фигурой. Его образ настолько привлекателен, что, наряду с Сосланом и Батрадзом, становится объектом пристального внимания ученых-нартоведов.

Образ Сырдона относится к числу древнейших в осетинской Нартиаде. Его истоки ведут к древним мифам, позволяют заглянуть в древнейшие слои эпоса, в его мифологические истоки. Как и у заглавных персонажей осетинской Нартиады (Сатана, Урузмаг, Сослан), у Сырдона – божественное происхождение. Он – сын божества водного духа Гатага, а мать его – Дзерасса, внучка владыки водного царства Донбеттыра. В отличие от Сослана (героя, наделенного чертами солнечного божества), Батрадза (олицетворения грозного божества), несомненно связь Сырдона с хтоническим миром (жил в подземелье).

Образ Сырдона – ценнейший материал для выявления ареальных связей осетинских нартвовских сказаний. В этом отношении особенно примечательны сравнительно-эпические исследования зарубежных фольклористов: А. Кристоля (Сырдон-Одиссей), Ж. Грисвара (Сырдон-Брикриу) и особенно Ж. Дюмезиля (Локи-Сырдон). Поразительные параллели, которым они посвящены, никак не относимые в разряд случайных, проливают дополнительный свет на истоки формирования эпоса, на его древнейшие индоевропейские корни.

Думается, фольклористы, специалисты по нартоведению, выскажут свое компетентное мнение по затрагиваемому вопросу. Думается, подход к циклизации эпоса должен быть единый и комплексный, с учетом таких компонентов, как: объем сказаний, сюжетная канва, мотивы, популярность героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шортанов А.Т. Героический эпос адыгов «Нарты» // Сказание о нартах – эпос народов Кавказа СНЭНК. – М., 1969.
2. Дахкильтов И.А. Ингушский нартский эпос. – Нальчик, 2012.
3. Холаев А.З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе // СНЭНК. – М., 1969.
4. Абаев В.И. Нартовский эпос. Известия СОНИИ. Том X. Вып. 1. – Дзауджикау, 1945.
5. Абаев В.И. Избранные труды. Т. 1. – Владикавказ, 1990.
6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, – М., 2001.
7. Мальсагов А.О. О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чеченцев // СНЭК. – М., 1969.
8. Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Абхазский народный эпос. – М., 2008.

ABOUT CYCLES OF THE NART LEGENDS (TO THE STATEMENT OF THE QUESTION)

L.A. Chibirov

*Dr. Vladikavkaz scientific center of the Russian academy
of sciences, Vladikavkaz (L.chibiroff@mail.ru)*

Abstract. *The Article is devoted to the principles of cyclization of the Nart legends. Lack of uniform rules and approaches together with imperfection of the principles of cyclization are depicted on the example of Syrdon's image and his analogs in national versions. It is believed that the approach to cyclization of the epos has to be uniform and complex, taking into account such components as volume of legends, subject outline, motives, popularity of the hero.*

Keywords: *Nartovsky epos. Classification. Cyclization. Big and minor cycles. Integrated approach.*

REFERENCES

1. Shortanov A.T. Geroicheskiy epos adygov «Narty» // SNEK. – М., 1969.
2. Dakhki'l'tov I.A. Ingushskiy nartskiy epos. – Nal'chik, 2012.
3. Kholaeв A.Z. K voprosu o balkaro-karachaevskom nartskom epose / SNEK. – М., 1969.
4. Abaev V.I. Nartovskiy epos. Izvestiya SONII. Tom Kh. Vyp.1. Dzaudzhikau, 1945.
5. Abaev V.I. Izbrannyye trudy.1. – Vladikavkaz, 1990.
6. Dyumezil' Zh. Osetinskiy epos i mifologiya, – М., 2001.
7. Mal'sagov A.O. O nart-orstkhoyskom epose ingushey i chechentsev// SNEK. – М., 1969/
8. Prikl'yucheniya narta Sasrykvy i ego devyanosto devyati brat'yev. Abkhazskiy narodnyy epos, – М., 2008.

